

Бойня

ÅSA ERICSDOTTER

Epidemin

ОСА ЭРИКСДОТТЕР

Бойня

РОМАН

Перевод со шведского
Сергея Штерна

phantom press

Москва

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)
Э77

ÅSA ERICSDOTTER
EPIDEMIN

© 2016 Åsa Ericsson

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Опубликовано с согласия Nordin Agency AB, Sweden

Перевод Сергея Штерна

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Оса Эрикссдоттер

Э77 Бойня: Роман / Пер. со шведск. С. Штерна. — М.: Фантом Пресс, 2021. — 512 с.

Одна из самых благополучных стран, Швеция, решила устроить “новый прекрасный мир”, очистив его от людей, которые не удовлетворяют стандартам здорового образа жизни — от всех, у кого вес превышает определенную правительством норму. Ожирению объявлена война. Выпечка, мясо, сладости и много чего еще отныне вне закона. Если ты не укладываешься в весовую норму, то тебе прилетают официальные предупреждения, соседи косятся, на улице вслед летят оскорбления. Но это только начало. Церкви постепенно превращаются в фитнес-залы, фермы закрываются, по ТВ агрессивно рекламируются все способы сбросить вес — от диет до хирургии...

Молодой историк Ландон в отчаянии наблюдает, как его девушка постепенно погружается в анорексию. Медсестра Хелена потеряла работу из-за того, что, по новым установкам, медсестры с избыточным весом плохо воздействуют на пациентов. Писательница Глория попадает в ловушку, расставленную Партией Здоровья. Толстяки постепенно начинают исчезать. А потом исчезают просто крупные люди. Когда исчезает и Хелена, Ландон отправляется на ее поиски.

Пугающий, невероятно реалистичный и абсолютно затягивающий в себя роман Осы Эрикссдоттер — страшное видение того, как дискриминация может стремительно стать нормой, как с человека слетает цивилизованность, как легко нас всех обмануть.

ISBN 978-5-86471-879-7

© Сергей Штерн, перевод, 2021
© Андрей Бондаренко, оформление, 2021
© “Фантом Пресс”, издание, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

87

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

241

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

423

Самоконтроль человека гораздо менее эффективен, чем принято считать. Излишняя вера в спорадический, от случая к случаю, самоконтроль провоцирует импульсивное поведение большинства населения. Употребление алкоголя, курение и ожирение показывают, что самоконтроль носит случайный и непоследовательный характер. Иррациональное поведение мотивирует и оправдывает государственное вмешательство.

“Цена калорий”, доклад ESO*, 2011

Диета — сильнейший политический наркотик в истории женщин; умеренное безумие приводит к полному параличу воли.

Наоми Вульф, “Миф о красоте”

Лицо — маска, скрывающая безумие.

Эва Энслер, “Хорошее тело”

Эпидемия ожирения опаснее пандемии COVID-19. Сорок процентов населения планеты имеет лишний вес, который приводит к инфарктам, инсультам, диабету, онкологии и другим болезням. Число людей, умерших от проблем, связанных с ожирением, значительно превышает количество жертв пандемии коронавируса.

**Доктор А. Мясников,
в эфире канала “Россия-1” 16 января 2021 года**

* *European Stroke Organisation* — европейская комиссия по профилактике инсультов. — *Здесь и далее примеч. перев.*

19... год

Германия, Рамштайн

С. Л. Джексон — американский офицер, воюет во Вьетнаме, Ульрика — молодая шведка, вот-вот сдаст выпускной экзамен на медсестру. Приехала навестить подругу, с которой не виделась после начальной школы.

Представьте: весна, розовые облака цветущих вишен. Природные красоты на том и кончаются, смотреть особенно не на что, кроме американской военной базы. Ульрика выходит по вечерам погулять, она очень привлекательна в коротком сарафанчике без бретелек. Американцы вообще-то ей не особенно нравятся, народ неотесанный, но этот был такой ладный и такой огромный, что она не сдержала улыбку. Привет — привет. И ахнуть не успела, как он прижал ее к стене. Свирепая эрекция, будто на кол насадил.

Пытка быстро закончилась: после долгого воздержания он всего-то раз десять отдал приказ “в атаку” и победил; но такой победой гордиться нечего: она вопила, как раненый зверь.

Через девять месяцев Ульрика отдала новорожденного сына для усыновления обеспеченной паре в Кобу, под Упсалой. Доктор наук Бертил Томсон-Егер и его супруга Амбер, тощая и бесплодная дама. Мальчика окрестили Ландон. Произносится именно так — Ландон, а не Лэндон. Приемные родители в церкви сидели по правую сторону, проникающее сквозь цветные витражи солнце казалось голубым.

Через двадцать лет возмужавший Ландон получил от матери письмо. Он только что переехал на Скулгатан в Упсале, готовился поступать в университет. Трудно определить, что подвигло Ульрику написать, — то ли решила облегчить совесть, то ли попросить прощения.

“Твой отец”, — написала она и поставила двоеточие. Имя, фамилия, приблизительный возраст. А в конце — статистика: погибшие и пропавшие без вести; выглядело так, будто она передает ему этот мрачный список в наследство.

Он меня изнасиловал, написала она. В Германии в те годы было полно таких изголодавшихся самцов. А потом эти жуткие роды, до сих пор боли в тазу.

Какое-то время спустя Ландон попытался найти мать — безуспешно. Имя и фамилия отца отыскиались в списках погибших.

Стыд выжидал двадцать лет и все же настиг.

Рыжеватые волосы норвежского оттенка, многие принимают его за приезжего из соседней страны. Довольно высокий; матово-бледные, веснушчатые щеки. Многомесячная борода.

Он робок с девушками, и они его слегка презирают. Единственное, в чем он дает себе волю, — еда. И конечно, фанатичный, даже нездоровый интерес к вьетнамской войне. Тумбочка под телевизором битком набита дисками с документальными фильмами. Случайно обнаружил кафедру североамериканской истории и записался на курсы, потом на другие и на третьи — пытался понять самого себя. “Отец”: легкая тошнота, черно-белая фотография из архива в Вашингтоне, мощная, тяжелая челюсть. Но насилие? Этого он понять не мог.

Раньше не мог.

Вся история начинается как раз тогда, когда Ландон сошелся с Ритой Петерс, незадолго до выпуска. Наступило новое тысячелетие, в Швеции буксует экономика. Первые ин-

тервью с Юханом Свердом вспыхивают в потоке новостей, как разряды молнии: “Мы стоим перед катастрофой”, “Через поколение каждый третий швед будет страдать от ожирения”. Новая партия революционизирует здравоохранение, шведы опять станут стройными. Необходимы решительные и глубокие реформы. Огромные скидки на бариатрические операции.

В призывах молодого основателя партии Ландону слышатся интонации помешанной на собственном весе приемной матери. Еще один идиот, решает он. Вся эта Партия Здоровья, как они ее называют, — не более чем скверная шутка. Смехотворный правый популизм самого низшего разряда.

Когда семь лет спустя Ландон и Рита разойдутся, Юхан Сверд станет статс-министром*, а Рита будет весить сорок килограммов.

* Так в Швеции называется должность премьер-министра (“государственный министр”).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он из тех парней, что просят извинения сразу после, а то и за пару секунд до эякуляции. Это про него.

Обидную фразу бросила одна из сокурсниц на празднике. Обидную и несправедливую.

Но задело. Спросите у Риты — хотел он возразить. Откуда вам знать?

Рита явилась на выпускной бал для докторантов в полосатой, плотно облегающей грудь блузке. Голос не то чтобы оперный, но это не помешало ей забраться на стол и спеть старинную студенческую песню. Прошло несколько часов, прежде чем Ландон решился с ней заговорить. Она — литературовед с пристрастием к эстрадной поэзии, он — американист, получил образование на никому не известных курсах.

Разговорились, и что-то из сказанного привлекло ее внимание.

Рита положила его застенчивость на ладонь и раскрошила в порошок. Впервые в жизни у него появилось что-то дорогое и важное, если не считать единственного письма от Ульрики, биологической матери.

Иногда они с Ритой ездили на дачу его приемных родителей на острове Каварё. Сидели каждый в своем углу огромного дивана со своими диссертациями. Рита занималась проявлениями мачо-культуры в поэзии

трущоб, он писал работу про Улофа Пальмё и его расхождения с Америкой. По вечерам залезали в постель с полуторалитровой коробкой сливочного мороженого и глядели друг на друга с удивлением: с какого перепугу мы потеряли целый день?

Ландон отложил ручку и поднял голову. Он должен перестать про нее думать. Во что бы то ни стало, раньше или позже, — он должен перестать про нее думать.

Иногда они встречались в коридорах, и он отводил глаза. Серое восковое лицо, отошала до неузнаваемости.

Последний год он изо всех сил старался ее разубедить — напрасно. В конце концов купил картонные ящики, упаковал вещи и съехал. В ее квартире на Лютхагсэспланаден место уютного дивана заняли двухметровый эллиптический тренажер и беговая дорожка. Гантели, эспандеры Пилатеса, шар Пилатеса, бесчисленные глянцевые журналы с рецептами капустных смузи и подробным описанием диет голливудских звезд... Рита ничего не готовила. Прогрессировал ацидоз: в ванной заметно пахло ацетоном.

Прошли месяцы. Рита стала лектором на факультете литературоведения — Глорию Эстер заставили уволиться. Ландон проходил пост-докторантуру на кафедре Северной Америки, но сумеет ли он удержаться на этом месте — неясно. Последний контроль показал, что он может вот-вот получить письменное предупреждение. “У вас ЖМК целых сорок один!” — воскликнула медсестра и осуждающе покачала головой. Институт питания решил, что много лет исправно служивший ИМТ, индекс массы тела, безнадежно устарел, дает слишком щедрые оценки. “Вас пока спасает высокий рост, — сказала сестра. — Но предупреждаю: положение серьезное”.

Так и сказала. Будто речь идет о преступлении.

Предложенная Партией Здоровья жирно-мышечная квота стала их главным политическим оружием. Именно ЖМК определяет пригодность к работе. ЖМК выше сорока двух — будьте любезны, вам в государственном секторе делать нечего. Когда Ландон впервые услышал проект этого закона, не поверил своим ушам. Теперь-то он был куда менее наивен. Раньше не осознавал, как далеко может зайти партия. На его кафедре Северной Америки один из доцентов был вынужден уволиться. И не только он — вместе с ним ушли двое молодых докторантов. Ландон попытался протестовать, но заведующий кафедрой пожал плечами. “Это же не я, — сказал заведующий. — Не я и не ректор. Такие вопросы решают более высокие инстанции”.

Новую партию народ принял с энтузиазмом. Юхан Сверд выбрал идеальную политическую позицию — между Альянсом и “соссами”*. На предвыборных дебатах выглядел так ярко и убедительно, что даже такие старые приверженцы “модераторов”, как господин и госпожа Томсон-Егер, поддались его харизме. И не только консерваторы — левые, а среди приятелей Ландона были и такие, тоже встречали молодого и энергичного политика восторженными аплодисментами. Особенно когда он говорил о необходимости усилить государственный сектор в экономике.

Атмосфера в университете изменилась. В столовой уже не говорили о Расселе, Хомском и Т. С. Элиоте. Главным предметом споров стала жратва — что можно есть, а что нельзя. А уж если съел, какой нужен тренинг, чтобы побыстрее от съеденного избавиться. Ландон теперь предпочитал садиться за отдельный столик,

* Альянс — четыре либеральные партии: Умеренная коалиционная партия (“модераторы”), Народная партия (либералы), Христианские демократы и Партия Центра. “Соссы” — народное прозвище социал-демократов.

чтобы не слышать эти разговоры. Обязательные тренировки никак не поднимали настроение. Он с отвращением смотрел на студентов-теологов, покидающих фитнес-залы чуть не за полночь, с темными разводами пота на футболках, зализанными волосами и пустыми от изнеможения глазами.

Как Рита, отмечал он с горечью. Эти тоже спятили. И старался больше про это не думать.

Ландон достал из картонной коробки одну из переплетенных книг и поставил автограф на титульном листе. Коллега из Стокгольма надумал прочитать его диссертацию. Замечательно — и коробка стала граммов на сто пятьдесят полегче, и хоть какая, но известность.

Он искал отца много лет. Собственно, его диссертация и была результатом этих поисков. Об этом знала только Рита, и теперь он уже жалел, что она знает. *“Шведско-американские отношения 1968—1974”*. Уже закончив работу, Ландон придумал подзаголовок: *“Проблема Пальмё”*. В подзаголовке, вообще-то говоря, и была главная фишка. Пальмё резко критиковал вьетнамскую войну, американцы обиделись, и обида затянулась на годы.

Три недели сидел в архиве в Вашингтоне и листал документы. Фотографии, сделанные солдатами и офицерами, перечень передислокаций. В городе стояли свинские холода, выпало почти два метра снега. Каждый вечер садился в автобус (17:30), добирался до общежития, пил кофе из бумажного стаканчика и жевал сладкие *“Фиг Ньютон”*.

Научному руководителю очень импонировал его энтузиазм. Мэтр не понимал: отчеты, которые Ландон посылает в Упсалу — всего лишь отвлекающий маневр. А правду знают только он и библиотекарь. Почти все время Ландон посвящает вещам, не имеющим никакого отношения к убитому шведскому статс-министру.

И ведь нашел! Нашел фотографию. Другую, не ту, что прислала его исчезнувшая мать. Герой войны Сален Логан Джексон. Коротко стриженные льняные волосы. Медали на лацкане. Но челюсть та же — тяжелая, широкая, как и должна быть у покорителей Дикого Запада.

Это было за полгода до того, как он встретил Риту. Приемным родителям, Бертилю и Амбер, письмо Ульрики он не показал. Вообще никому не говорил, не только им. У Ландона не было никого, с кем бы ему хотелось поделиться.

В тот вечер он долго мерз на лестнице Капитолия. Сквозь тюль непрекращающегося снегопада загадочно светились расплывчатые ореолы уличных фонарей. Одна за другой с рычанием проползали снегоуборочные машины.

Вот это и запомнилось больше всего: мороз. Для чего-то другого уже не осталось места.

Уже на следующий день Ландон вернулся в архив и начал читать. Отчеты о радикальных речах Пальмё. Буйные митинги левых. Циклопический первомайский митинг в Хюмлегордене*. Работа шла с невиданной и неожиданной скоростью. Американская армия сыграла отбой, ретировалась из его головы, а доблестный солдат ретировался вместе с ней, уступив место тому, ради чего он сюда и приехал.

Через полгода он пошел на тот бал и влюбился.

* Парк в центре Стокгольма (“Шмелиный сад”).